

Эта книга посвящается всем женщинам, которые когда-либо слышали в свой адрес, что их «слишком много». Может быть, они слишком шумные или слишком резкие, слишком открытые или слишком откровенные, говорят чересчур много грубостей или непристойностей, ведут себя странно или излишне эмоционально. Вечерами, наедине с собой, такие женщины вспоминают сказанное за день и думают: «А вдруг я и правда перегнула? Наверное, мне должно быть стыдно...» Им всем я говорю: «Вы, черт возьми, потрясающие! Обожаю таких, как вы! Не смейте глушить себя, чтобы стать более “сносными”. В вас столько сердца, столько огня!»

ОТ АВТОРА

Для меня было очень важно написать эту историю. Отчасти она основана на моем личном опыте. Я имею в виду чувства, которые испытывала, когда работала над своей первой книгой и когда она вышла в свет, — чувства, которые возникают, когда пишешь для широкого круга читателей.

Создавая что-то, что другие будут оценивать, что-то, чем ты рассчитываешь развлечь людей и пробудить в них какие-то эмоции, ты понимаешь: угодить всем невозможно. Но желание вызвать отклик хотя бы у кого-то — совершенно незаменимое ощущение, и оно действует как наркотик. Благодаря ему я почувствовала себя самой собой — так,

как никогда раньше. С другой стороны, я, как никогда раньше, начала сомневаться в собственных силах. В какие-то минуты меня охватывала бурная радость, но очень скоро я скатывалась в уныние, вызванное синдромом самозванца.

В такие периоды я пользовалась своим излюбленным средством поддержания душевного здоровья — старалась побольше смеяться. Когда мне грустно (я имею в виду именно грусть, а не депрессию), моя палочка-выручалочка — стендап. Я пичкаю себя смешным, позволяю себе погрузиться в чувства и признать их. Так я делаю то, что для меня полезно, — смеюсь. Не поймите меня неправильно: я контролирую свое психическое состояние и другими, менее веселыми способами, но стараюсь совмещать их со смехом. Скажу вам честно: когда мне тоскливо, я меньше всего на свете хочу составлять список всех тех благ, за которые я должна благодарить судьбу и внушать себе, что я не имею права чувствовать себя плохо. От этого становится только хуже. А вот смех, как я не раз убеждалась, — эффективное и здоровое средство саморегулирования.

Комики многому меня научили, помогли мне по-новому взглянуть на некоторые стороны моей жизни. Смешное далеко не всегда бывает легкомысленным.

Однажды мне в голову пришла мысль, глубоко меня тронувшая. Я поняла, как нелегко в этом мире тем комикам, которые живут среди нас, а не про-

сто выступают перед нами на сцене. Им, пожалуй, приходится тяжелее всех. Поэтому никогда нельзя отталкивать того, кто хочет перед тобой раскрыться — в любом жанре, пусть даже в форме чего-то, созданного только для смеха.

Одна незнакомая женщина прислала мне в Инстаграм¹ сообщение: мол, мне должно быть стыдно писать такую дрянь, тем более если у меня две дочки (они наверняка вырастут такими же вульгарными, как я). Тогда-то я и придумала свою Фарли. Отложила тридцать тысяч слов другой книги и взялась за эту.

Мне захотелось написать о женщине, у которой «грязный» рот. Она часто бывает шумной, грубой, говорит со своей публикой о сексе, постоянно выставляет себя в самом невыгодном свете и даже зарабатывает этим. Ее шутки могут быть глупыми, но сама она умная, целеустремленная и глубоко чувствует.

Мне захотелось показать более мягкую сторону ее натуры.

Потому что даже у самых насмешливых и резких людей бывают больные места. Уж поверьте.

Еще мне захотелось написать о мужчине, который увидел мою героиню такой, какая она есть, и принял ее всю, без остатка. Ему и самому придется бороться за свое душевное здоровье. Он по-

¹ Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (*Здесь и далее*).

стоянно копается в себе, что не мешает ему любить других.

Хотя мои герои — комики, я, в отличие от них, не способна написать ни одного стендап-номера. Здесь я меньше, чем в любой другой своей книге, пытаюсь рассмешить читателя, а те шутки, которые я использую, подсказаны комиками, которые помогли мне в непростые периоды. Конечно, я самостоятельно перерабатываю то, что позаимствовала, но не могу по крайней мере не поблагодарить тех, кто меня вдохновил.

Ну и самое главное: мои герои друг для друга — безопасная гавань, поэтому мы часто видим их чувствительную сторону. Не все в этой истории построено на юморе.

Что касается содержания книги, то я должна предупредить читателя о следующих моментах:

- в двух сюжетных линиях фигурирует смерть близкого человека как событие, случившееся в прошлом;
- используются бранные выражения;
- присутствуют сексуально откровенные сцены;
- описывается «токсичное»/отстраненное родительское поведение.

Не претендуя на роль комика, я также не считаю себя знатоком человеческой психики. Я понимаю: мои периоды упадка — не настоящая клиническая депрессия, и я не пытаюсь давать советы тем, кто ею страдает, не предлагаю им решать свои проблемы с помощью стендап-программ «Нетф-

ликса». Я просто с благодарностью рассказываю о том средстве, которое лично мне очень помогло.

И наконец я хочу обратиться ко всем, кто решил потратить часть своего времени на создание чего-то для других людей. То, что вы делаете, важно. Даже если это дурацкие мемы и видеоролики, танцы, шутки или отзывы на книги. Может быть, вы не получите за это ни цента, зато чей-нибудь день станет чуточку ярче.

1

*«Тебе дана лишь маленькая искорка безумия.
Не потеряй ее».*

Робин Уильямс

ФАРЛИ

Шутка про диарею смыта в унитаз.

Она могла сработать, а могла не сработать — как и большинство комиков, я понимаю: это лотерея. Иногда тебе кажется, что успех гарантирован, а острота, вместо того чтобы взорвать зал, умирает медленной бесславной смертью. Самое подходящее музыкальное сопровождение для таких разочарований — звук, который раздастся, если сесть на подушку-пердушку. А потом ты бросаешь какие-то фразочки просто как наполнитель, как подготовку к чему-то, что должно вызвать мощный отклик, но именно над этими фразочками люди и смеются. Я уже не раз проходила через подобное, и все рав-

но неожиданная реакция публики заставляет меня малость притормозить, прежде чем идти вперед.

Сравнить результат непереносимости лактозы с работами Джексона Поллока — это, пожалуй, и правда чересчур. В ответ послышалось только несколько смущенных смешков. Кто-то негодуяюще вскинул голову, кто-то поморщился и передернул плечами. Чтобы исправить положение, придется в очередной раз себя «опустить». Пусть зритель подумает: «Бедная девчонка! Как все печально! Но она об этом шутит, значит, можно смеяться. Смеяться *над ней*. За то и деньги заплачены». У меня припасена шутка, взятая, можно сказать, из моей собственной жизни. Публика такое обожает.

Дерьмовая (ха-ха) острота быстро забывается, и я опять дирижирую своим шедевром. Звучит симфония смеха, я подталкиваю и щекочу исполнителей. Стоя на одном конце сцены, я выжимаю, что могу, из своей странной грустной неловкости. Плечу историю о восхитительно холодных мужчинах, с которыми якобы встречалась (на самом деле их не существует), и о своих несуразных сексуальных приключениях. Потом перемещаюсь походкой лемура на другой конец сцены, заставляя зрителей аккомпанировать мне смеховым легато.

Это прекрасные, чудесные, волнующие звуки. Они согревают меня и словно наполняют топливом. Я чувствую себя огоньком, которому наконец-то подкинули хвороста. Публика дует и машет на меня, помогая мне разгореться в полную силу.

При каждом крещендо я думаю: «Кажется, я их все-таки расшевелила! Я смешная!»

Зал щедро аплодирует, но потом затихает.

Бабах — и все.

Я сдуваюсь.

Каждый шаг к кулисам ощущается так, будто я спускаюсь с адреналиновой горы. Ужасно неприятное чувство.

Единственное, на что я могу опереться, чтобы не скатиться кубарем, единственное, что мне помогает, — лицо Майера. Вокруг него сплошная сумятица. Звуковики вытирают слезы. Ведущая сидит, согнувшись пополам и заплетя ноги чуть не в кошечку — видимо, чтобы не описаться. И лишь Майер тверд и невозмутим, как всегда. Стоит, скрестив руки: ладони засунуты под мышки, видны только большие пальцы. Их-то он и приподнимает, приветствуя меня. По его меркам это бурное выражение восторга. Рот — как тире, брови нахмурены.

Вечно угрюмая физиономия Майера — мой страховочный трос или даже лассо, которое заставляет меня вернуться в реальность, вместо того чтобы до бесконечности копошиться в собственной голове, оценивать публику и мысленно подкармливать ее, формулировать новые остроумные реплики. Майер для меня не скала, он гамак в тени, в котором так приятно отдохнуть летним днем. Правда, сам он вряд ли об этом догадывается.

А еще он мой менеджер. Менеджер, случайно ставший лучшим другом. Познакомились мы три